

Василий Потто





Том 1

От древнейших времен до Ермолова



Том 2

Ермоловское время



Том 3

Персидская война 1826—1828 гг.



Том 4

Турецкая война 1828—1829 гг.



Том 5

Время Паскевича, или Бунт Чечни



Василий Потто



КАВКАЗСКАЯ
ВОЙНА



Том 1

ОТ ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО ЕРМОЛОВА



Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

ББК 63.3
П64

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Оформление художника
И.А. Озерова

Потто В.А.
П64 Кавказская война: В 5 томах. Т. 1: От древнейших времен до Ермолова. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. — 527 с.

ISBN 978-5-521-73331-6 (Т. 1)
ISBN 978-5-9524-3151-5

Фундаментальный труд выдающегося военного историка, генерала русской армии В.А. Потто охватывает период Кавказской войны с начала XVI века по 1831 год.

Многие годы в разных местах автор собирал разрозненные документы и материалы с одной целью — извлечь из забвения и связать в одно стройное повествование драматические и героические события, которые, развиваясь и усиливаясь, определили совершенно особую роль Кавказской войны в нашей истории.

Том 1 включает события с начала XVI в. до 1812 года.

ББК 63.3

ISBN 978-5-521-73331-6 (Т. 1)
ISBN 978-5-9524-3151-5

© Художественное оформление,
ЗАО «Центрполиграф», 2007



ВВЕДЕНИЕ

Перед читателем начало обширного труда, охватывающего историю всех событий Кавказской войны с первых ее моментов до окончательного покорения Кавказа.

Автор не имел в виду написать специального военно-научного сочинения. Цель его — популяризировать историю Кавказской войны, дать в общедоступном изложении ряд рассказов, легенд, эпизодов и биографий, расположенных в хронологическом порядке, которые могли бы вполне ознакомить не только с внешней стороной вековой кавказской борьбы, но и с внутренней, насколько эта последняя отразилась в легендах, солдатских песнях, в рассказах товарищей и тому подобное.

Автор не претендует сказать что-либо новое о Кавказской войне. Его дело, потребовавшее много лет упорного труда, состояло почти исключительно в том, чтобы извлечь из забвения и связать в одно стройное изложение многочисленные, в разных местах разбросанные материалы, малодоступные для обыкновенного читателя.

Указание в самом тексте источников, которыми пользовался автор, в сильной степени увеличило бы объем книги. Важнейшие из них указываем здесь: акты Кавказской археографической комиссии, сочинения о Кавказе Берже, Дубровина, Попки, Фадеева, Зиссермана, Короленко и другие. Исторические журналы «Русская старина» и «Русский архив», «Военный сборник», газета «Кавказ» и другие периодические издания, просмотренные автором с начала нынешнего столетия.

Целью автора было выдвинуть в его истории на первый план человека как важнейший элемент войны, его подвиги, его страдания, успехи и неудачи. Автор смеет надеяться, что его описание Кавказской войны будет иметь военно-воспитательное значение, что выдвинутые им в яркой перспективе боевые предания

Кавказа, примеры беззаветного мужества и честного исполнения долга перед отчизной не останутся без влияния на развитие духа доблестей в военном сословии, каковым по державной воле русского царя, со времени всеобщей воинской повинности, стал, в сущности, весь русский народ. Гуманные чувства, руководящие современными обществами, не должны исключать того военного духа, без которого — пока войны будут злом неизбежным — невозможна историческая жизнь народа и выполнение им его исторических задач.



КАВКАЗ

Кавказ! Какое русское сердце не отзовется на это имя, соединенное кровной связью и с исторической, и с умственной жизнью нашей родины, говорящее о неизмеримых жертвах ее и в то же время о поэтических вдохновениях. Много ли есть русских семей, на которых Кавказ в долговременных войнах его не отразился бы невозвратной утратой, и кто же вспомнит об этой утрате иначе, чем с гордым сознанием исполненного долга перед великой отчизной, выславшей своих сынов на горный рубеж Азии не на истребительское дело войны, а на вечное умиротворение края, с незапамятных времен бывшего ареной грозных столкновений народов. Кавказская война окончилась, великая цель достигнута. Но Русь, уже не тревожимая более громами постоянной войны, не забудет героев своих, обнаруживших на Кавказе беззаветное мужество и преданность родине, без которых немислимо было бы покорение воинственного и природой защищенного края, покорение исторически необходимое, вынужденное настоятельными государственными потребностями России.

Достаточно вспомнить старую историю Кавказа, в незапамятные времена уже привлекшего к себе искателей золотого руна, достаточно беглого взгляда на географическое положение Кавказского перешейка, лежащего между двумя морями и между Юго-Восточной Европой и Юго-Западной Азией — двумя главными путями, которыми азиатские народы совершали свои передвижения в Европу, чтобы понять тот фатум, который неизбежно рано или поздно приводил русский народ к столкновению с Кавказом. Недаром владычества над ним попеременно искали и оспаривали друг у друга многочисленные народы и государства: с запада — греки, македоняне, римляне, византийцы, наконец, турки; с юга — персы, арабы, монголы; с севера — скифы, аланы, готы, хазары, гунны, авары, половцы, печенеги, наконец, русские. Кавказ был ключом, без которого невозможно было овладеть обширными равнинами и запереть их от вторжений все новых и новых племен и народов.

Возраставший северный великан, Русское государство, имел перед собой трудные задачи. Как племя, имевшее великое историческое будущее, русский народ, по историческому закону, о котором говорит основатель научной географии Риттер, естественно и неизбежно, хотя бы бессознательно, инстинктивно, должен был стремиться «к мировому морю», вообще на простор сношений с другими народами. Но север был суров и негостеприимен, и еще до Рюрика и Олега проложен был славянами путь в южные моря, «в греки». Но юг, к которому стремилось почуявшее свои силы Русское царство, представлял собой обширные степи, по которым невозбранно передвигались народы, не давая даже установиться границам Московской земли и держа в постоянной войне и опасности порубежное население. Возникшему отсюда единственному явлению людского мира, казачеству, естественно, предстояли те же задачи, что и всему Русскому государству — найти границы, которые можно было бы защищать. Но вплоть до Кавказа — не было границ. И когда монгольские царства стали не повелителями Руси, а ее покоренными владениями, когда Русь овладела всей Волгой и дошла до Каспийского моря, казачество скоро утвердилось на восточном побережье Каспия, в приморском Дагестане, а затем под крепкой помощью и защитой Московского царства провела линию городов и станиц, вечно вооруженных и готовых к защите, от одного моря до другого, и положила этим предел неожиданным и безнаказанным вторжениям в пределы России со стороны Кавказа.

Но Кавказ был населен воинственными, гордыми и свободолюбивыми племенами, осадками народов, поочередно занимавших подножия гор, и России предстояла еще вековая упорная борьба, из которой победителем мог выйти только народ и никакое государство. Казаки и другие войска, пришедшие туда, действительно и были всегда «не войском, делающим только кампанию, а скорее воинственным народом, созданным Россией и противопоставленным ею воинственным народам Кавказа», как сказал некогда один из блестящих военных писателей. Среди постоянной опасности и войны этот «войско-народ» десятилетиями закалялся в беззаветном мужестве, беспримерном в истории и напоминающем разве только римские легионы, посланные Вечным городом внести римскую цивилизацию в леса и горы Германии и Британии, умирающие или достигающие своих целей, одинокие среди враждебных племен, распространяющие римскую власть и римскую мысль из какого-нибудь маленького укрепления.

Нужно сознаться, что русское общество, не только гражданское, но даже и военное, мало знакомо с величественной эпопеей

Кавказской войны, с тем духом сказочно-героических подвигов, который красной нитью проходит через всю вековую историю кавказского завоевания. Там сотня человек, мужественно противостоящая тысячам и побеждающая или умирающая до одного человека; там генерал, одним словом побуждающий на подвиги и дающий пример героической смерти своим солдатам; там солдат, с трогательной простотой сознательно отдающий жизнь за общее дело и не подозревающий, что он совершает нечто необыкновенное. И этим духом были проникнуты не единицы, а вся масса кавказских войск.

«Тут прошли целые поколения героев, — говорит Соллогуб, — тут были битвы баснословные. Тут сложилась целая летопись молодецких подвигов, целая изучастная русская «Илиада», еще ожидающая своего песнопевца. И много тут в горном безмолвии принесено безвестных жертв, и много тут улеглось людей, коих имена и заслуги известны только одному Богу. Но все они, прославленные и незамеченные, имеют право на нашу благодарность».

Русский народ может гордиться кавказским солдатом, примером того, до какой высоты может подниматься нравственная сила русского человека. И если мы еще в детстве узнаем и учимся уважать имена героев древности, то не дороже ли для нас память наших собственных героев. Конечно, вся Россия знает таких людей, как князя Цицианов, Ермолов, Котляревский, но многим ли известны скромные имена Карягина, Гулякова, Монтрезора, Овечкина, Щербины и многих, многих других — людей, не высоких чинами, но великих своим героизмом и самопожертвованием.

Пусть лежащая перед читателем история Кавказской войны увековечит память тех, чьи заслуги мы должны помнить и чтить.

I

КАВКАЗ ДО ПЕТРА

Сношения России с Кавказом начинаются с отдаленнейших времен нашей истории, когда, по выражению поэта, мы «Византию громили и с Косогов брали дань...».

Летописи рассказывают нам о грозных битвах Святослава на берегах Кубани, о единоборстве Мстислава с черкесским князем Редедей, о браке сына Андрея Боголюбского с Тамарой. Но, минуя эти сказания седой старины, мы должны перейти прямо к тем исторически достоверным известиям о Кавказе, которые появляются в первый раз только в царствование Ивана III и его внука Грозного.

Известно, что в XVI веке Каспийское море и Волга связывали в один политический мир все мусульманские царства, лежавшие по этому бассейну от Персии до устьев Оки. Когда русский народ окончательно разорвал монгольские цепи и стал на развалинах царств Казанского и Астраханского, он захватил в свои руки многоводную Волгу, а Волга, естественно, должна была вывести его в пустынное Каспийское море. Это море было тогда без хозяина, не имело даже у себя кораблей, но по берегам его стояли многолюдные города и жили промышленные и богатые народы. Тем временем русское казачество, стремившееся все к новым и новым окраинам, скоро поставило там свои передовые форпосты и проникло далеко за Терек, в самую землю *шавкала*, или *шевкала*, как называли у нас тогда *шамхала* Тарковского, владельца большей части Дагестана, прилегающей к западным берегам Каспийского моря.

Поводом к этому послужило следующее обстоятельство, как рассказывает об этом историк Терского войска.

Когда великий князь московский Иван III — собиратель русской земли — разгневался на молодецтво рязанских казаков и пригрозил им наказанием, казаки Червленного Яра поднялись большой станицей, сели на струги с семьями и животами и выплыли весним половодьем на Дон, оттуда перебрались в Волгу и пустились к недосыгаемому московской погоней убежищу — к устьям Терека. В этом глухом уголке Восточного Кавказа существовало тогда полоторговое, полуразбойничье местечко Тюмень, о котором будет сказано ниже. Не подлежит сомнению, что удаляя станица Червленный Яр направлялась именно к этому притону, но предание не объясняет, по каким обстоятельствам она там не осела, а двинулась вверх по Тереку к пятигорским черкесам, нынешним кабардинцам, вступила с ними в тесный союз и поселилась в предгорьях Кавказского хребта, там, где впадает Аргуна в Сунжу. С этого времени первые русские поселенцы на Кавказе становятся исторически известными под именем гребенских, то есть горных казаков. Московскому государству было небезвыгодно поддерживать своих колонизаторов. К тому же единоверная Грузия молила московского царя о помощи. Кабардинцы, верные союзники наши во всех походах против крымского хана, также просили о принятии их в Московское подданство, а брак московского царя с черкесской княжной Марией Темрюковной еще более упрочивал эти взаимные дружественные связи. Пользуясь благоприятными обстоятельствами, Московскому царству было естественно хлопотать о распространении своего торгового и политического господства в Кавказском крае. Существует предание, что царь Иван Васильевич Грозный допустил к себе приезжавших с